

УДК 947 (471.54)

ББК 63.3

Ларионова М. Б.

кандидат исторической наук, доцент,

ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»

г. Екатеринбург, Россия

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ЭГО-ДОКУМЕНТЫ

Аннотация

В статье в свете антропологического поворота в мировом гуманитарном знании и новой парадигмы истории показана связь сохранения исторической памяти в эго-документах или источниках личного происхождения на примере Дневника слуги уральских помещиков Голубцовых.

Ключевые слова: эго-документы, источники личного происхождения, Голубцовы, Матвей Андреев, дневник слуги, Урал, Пермская губерния

Larionova M. B.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,

RSPPU

Ekaterinburg

HISTORICAL MEMORY AND EGO DOCUMENTS

Abstract

In the light of the anthropological turn in world humanitarian knowledge and the new history paradigm, the article shows the connection between the preservation of historical memory in ego-documents or sources of personal origin on the example of the Diary of a servant of the Ural landowners Golubtsovs.

Keywords: ego-documents, sources of personal origin, Golubtsovs, Matvey Andreev, servant's diary, Ural, Perm province

Антропологический поворот в изучении истории, наблюдающийся последние несколько десятилетий, привел к глубокому переосмыслению подходов к реконструкции нашего прошлого. Представители нового направления поставили под сомнение возможность воссоздания объективного прошлого, выстраивания стройных концепций и выявления закономерностей и регулярностей. Вместо фактов и исторических событий представители

постмодернизма заинтересовались мышлением, сознанием, символами, мифами, ментальными стереотипами. Особое внимание уделяется рассмотрению исторической памяти, которая, как считает Л. П. Репина, складывается из «совокупности привычных восприятий, представлений, суждений и мнений относительно событий, выдающихся личностей и явлений исторического прошлого, а также способов объяснения, рационализации и осмысления последнего» [6, с. 6]. Стали изучать как рядовые граждане хранили память о событиях, участниками которых они являлись, какую оценку эти обычные люди давали тому, что происходило вокруг них, как передавали память об этих событиях. Представители новой парадигмы истории исследуют механизмы формирования, преобразования и передачи исторической памяти. Пришло понимание того, что познать прошлое можно только через некий исторический опыт, дошедший до нас в самых разных интерпретациях и отражающий взгляды и предпочтения, систему ценностей людей, культурно-историческую специфику действительности, своего времени.

Новый подход к пониманию исторического прошлого привел и к иному отношению к источникам, при работе с которыми важным становится фиксация событий, а их интерпретация, то, как рядовые граждане оценивали происходящее. Перестали говорить о сознательном искажении информации, наоборот субъективность изучают как систему восприятия человеком того, что он видел или наблюдал.

Большую роль в изучении исторической памяти «как главного канала передачи опыта и сведений о прошлом» [6, с. 10] стали играть эго-документы или более привычные для России источники личного происхождения, бывшие на протяжении длительного периода объектами исследования исключительно филологов, рассматривавшие их как жанровые произведения [11]. Вместе с тем обращение историков к этой группе документов позволило разрешить в некоторой степени кризис понимания истории и переключиться от изучения событий к изучению состояний и образов, опыта, исторической памяти. Исследователи уже не раз отмечали, что термин «Эго-документы» появился в 1950-е гг. в Нидерландах, его автором был Жак Прессер, отмечавший, что к таким документам относят «источники, в которых исследователь сталкивается с Я... как с одновременно пишущим и присутствующим в тексте субъектом описания» [1, 5, 11]. Данный термин получил широкое распространение на западе. В отечественной же науке слово «Эго-документы» появилось относительно недавно: пожалуй, самыми первыми работами, в которых используется эта дефиниция, стали монографии М. Ю. Михеева [2] и И. Ю. Савкиной [4]. Значимую роль в закреплении новой терминологии сыграл

проект «Россия 1917 года в эго-документах», результатом реализации которого было издание четырех книг под научной редакцией доктора исторических наук Н. В. Суржиковой [7, 8, 9, 10]. Размышляя на тему правильности использования терминов «эго-документы» или «документы личного происхождения» Н. В. Суржикова отметила, что «западная и российская традиции идентификации источников вполне могут существовать параллельно», потому что «их использование – вопрос ситуации»: сам исследователь должен определить, что для него в источнике важнее: «беспрецедентное личное или социальное типичное?» [5, с. 10–11]. Если первое – тогда эго-документы, если второе – источники личного происхождения. Вместе с тем, исследователь заметила, что «эго-источники – это замечательное решение проблемы фокусной точки гуманитарных исследований, поскольку они экспонируют и мир отдельной личности (Я), и ее социально обусловленные «параметры» (МЫ), позволяя тем самым изучать типы кристаллизации самых разных социальных «пород» – от уникальных до статистических» [5, с. 11].

Интерес в изучении сохранения исторической памяти, на наш взгляд, представляет опубликованный в 2013 г. Дневник слуги уральских помещиков Голубцовых [3]. Его автор, бывший крепостной Матвей Андреев, на протяжении 3 лет и 5 месяцев (с 1872 по 1875 гг.) ежедневно вел записи о том, что происходило в имении помещиков Голубцовых, чье земельное владение было расположено в Красноуфимском уезде Пермской губернии. Данный документ редкий для Урала (в силу того, что документов личного происхождения об уральском регионе не так много сохранилось и введено в научный оборот) и уникальный по своей информативности. На первый план при работе с данным источником выходит событийная канва: документ отличается высокой степенью детализации: мы имеем важную информацию для реконструкции повседневной жизни провинциального среднепоместного помещичьего имения в пореформенный период, тем более, что других источников, раскрывающих пребывание дворян Голубцовых на Урале, не сохранилось. Но подобные документы – это прежде всего сохранение индивидуальной памяти, свидетельство о самом авторе и о том, как он воспринимал происходящие в имении события. Поэтому при работе с документом мы должны понимать, что на страницах дневника отражено прежде всего мировосприятие его автора и его жизнь. И несмотря на то, что инициатива создания документа принадлежала помещикам Голубцовым (а это четко следует из текста), отбор запечатленных в нем событий осуществлялся прежде всего автором, объективно завися от его субъективного восприятия. Жизнь помещичьей семьи мы видим глазами человека, не принадлежавшего к

высшему сословию и лишь частично впитавшему в себя отдельные элементы дворянской культуры. Рассказывая о жизни уральского имения Голубцовых, Матвей Андреев, рассказывал в том числе и о себе.

Так, указанные в источнике события, позволили нам говорить о том, что жил Матвей Андреев при господском доме, состоя при барине, Владимире Платоновиче Голубцове, домашним слугою. Круг его обязанностей был чрезвычайно широк и с трудом поддается четкому определению: он следил за порядком в доме и отвечал за сохранность барских вещей, оставаясь один, «сторожил» дом, топил печи, вставлял зимние рамы, встречал гостей, накрывал стол и прислуживал за ним, мог варить барину кофе по утрам, вытрясал одежду, хранившуюся в сундуках, чистил барское платье и обувь... Иногда он выдавал жалованье работникам, принимал зерно на складе, отвозил и сдавал на продажу производимые в имении продукты, закупал провизию. Матвею доверяли даже осуществление денежных платежей, зная, что он очень трепетно относится ко всему господскому и экономно расходует деньги. Жители имения через Матвея обращались к Голубцовым за медицинской помощью, и часто он лично относил больным лекарства, следил за их приемом. Также Матвею доводилось заменять садовника: он не раз отапливал тепличку, поливал цветы на клумбах, занимался прополкой. В мае 1873 г. во время эпидемии чумы рогатого скота, Матвей Андреев вместе с ветеринаром и скотниками лечил скот, причем достаточно грамотно и умело: делал примочки, пускал кровь, поил коров растворами. Являясь, по сути, связующим звеном между владельцами и бывшими крепостными, Матвей, безусловно, был в курсе всех дел и событий, происходивших в имении, что повышает ценность внесенных им в Дневник записей.

Широкие и разнообразные обязанности автора Дневника говорят о его незаменимости и той важной роли, которую он играл не только в жизни помещичьей семьи и жителей имения, но и за их пределами. Практически все знакомые барина, Владимира Платоновича Голубцова, знали Матвея. И он всегда тщательно фиксировал, кто, когда и чем угощал его при встрече. Вхожести автора Дневника в уездный свет способствовало, видимо, то обстоятельство, что владельцы часто брали Матвея с собой в деловые поездки, предпочитая его другим слугам. В этих поездках он оправдывал себя не только потому, что один заменял сразу нескольких слуг. Матвей, очевидно, был достаточно образован и воспитан, чтобы поддержать любую беседу, знал он и несколько французских и немецких слов. Это оставляло благоприятное впечатление о самом Матвее.

Если верить источнику, преданность «своему» барину у Матвея Андреева была доведена до предела, и семья Голубцовых стала ему ближе его собственной семьи. Отношения с матерью были сложные, сестра жила далеко, с братом Ванькой он не общался, женился, но видимо жил при господском доме. Детей скорее всего у него не было, во всяком случае, он их не упоминает ни разу на страницах документа. Сообщал он при этом и о своем хозяйстве. Так, 1 октября 1873 г. он ходил на рынок и «купил себе лошадь с жеребенком, заплатил 28 рублей серебром», а 3 ноября 1873 г. приобрёл за 16 рублей корову, от которой отказался барин. Когда Матвей занимался своим хозяйством, не совсем понятно, так как, согласно Дневнику, за три с половиной года Матвей покидал господский дом только дважды, да и то по болезни. При этом барин, Владимир Платонович, даже навестил больного однажды. Неудивительно, что дом Голубцовых М. Андреев считал «своим», что подтверждают записи в Дневнике: «Были гости у нас: новый мировой, стряпчий Сведомский и мировой Козлов», «*Наши* выехали пахать», «Нарочный был из Ачита [передал], что губернатор выехал поутру и буд[ет] в Красноуфимске и у нас». Под «нашими» он понимал прежде всего семейство Голубцовых и себя как его неотъемлемую часть, и даже рыбу, которую Матвей ловил в свободное от службы время, он отдавал господскому повару.

Очевидно, что на основании Дневника мы можем судить не столько о том, каким Матвей Андреев был на самом деле, столько о том, каким он хотел казаться. Перед нами – образ идеального слуги, незаменимого, преданного и порядочного. Понимая, что вносимые записи будут прочитаны помещиками, Матвей Андреев четко осознавал, что можно вносить, а что лучше не писать. Поэтому каким был на самом деле автор данного источника, мы никогда не узнаем. Вместе с тем данный документ сохранил память о нашем прошлом, он позволяет воссоздать историю Урала от первого лица, такой какой она виделась бывшему крепостному крестьянину.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коган С. В. Источники личного происхождения в изучении истории советского государства и права: теоретические и методологические подходы [Текст]// *UNIVERSUM JURIS*.2017. № 1. URL: http://www.universum-juris.org/?q=ru/node/32#_ftnref17.
2. Михеев М.Ю. Дневник как эго-текст [Текст] (Россия, XIX–XX). Москва, 2007. 264 с.
3. Повседневная жизнь провинциального имения: дневник слуги уральских помещиков Голубцовых. 1872-1875 гг. [Текст] / предисл., подгот.

текста и коммент. М. Б. Ларионовой; науч. ред. Н. В. Суржикова. Екатеринбург: ИИиАУрО РАН, 2013. 400 с.

4. Савкина И. Ю. Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века [Текст]. Москва: Новое литературное обозрение, 2007. 438 с.

5. Суржикова Н. В. Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость? (Вместо предисловия) [Текст] // История в эго-документах: Исследования и источники / отв. ред. Н. В. Суржикова. Екатеринбург, 2014. С. 6–13.

6. Репина Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки) [Текст]. Препринт WP6/2003/07. Москва: ГУ ВШЭ, 2003. 44 с.

7. Россия 1917 года в эго-документах. Воспоминания [Текст] / [авт.-сост.: Н. В. Суржикова (науч. ред.) и др.]. Москва: РОССПЭН, 2015. 509 с.

8. Россия 1917 года в эго-документах [Текст]: записки репортера / [пер. с англ. яз. М. И. Вебера, А. Я. Голубинова, Н. А. Михалева ; науч. ред. Н. В. Суржикова]. Москва: РОССПЭН, 2016. 550 с.

9. Россия 1917 года в эго-документах [Текст]: дневники / [авторы-составители: Н. В. Суржикова (научный редактор) и др.]. Москва: РОССПЭН: Политическая энциклопедия, 2017. 677 с.

10. Россия 1917 года в эго-документах [Текст]: письма / Российская академия наук, Уральское отделение, Институт истории и археологии; авторы-составители Н. В. Суржикова (научный редактор) [и др.]. Москва: Научно-политическая книга, 2019. 572 с.

11. Филатова Н. М. Подходы к изучению эго-документов в современной исторической науке в свете «лингвистического поворота» [Текст] // Документ и «документальное» в славянских культурах: между подлинным и мнимым: сборник научных трудов / отв. Ред. Н. М. Куренная. Москва: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 24–40. URL: <https://inslav.ru/sites/default/files/2018-document-filatova.pdf>.